

СОПОСТАВИТЕЛЬНОЕ ЯЗЫКОЗНАНИЕ

ИРОНИЯ В АНГЛИЙСКОМ И РУССКОМ ДИСКУРСАХ: СОПОСТАВИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ

А.А. Горностаева

Кафедра общепереводческой подготовки
Факультет межкультурной коммуникации МИПК
Московский государственный лингвистический университет (МГЛУ)
ул. Остоженка, 38, Москва, Россия, 119992

В статье речь идет об этнокультурных особенностях иронии в английском и русском дискурсах, частотности ее использования и функциях. Предпринимается попытка объяснить выявленные различия через особенности культур и коммуникативные ценности. Приводятся результаты эмпирического исследования.

Ключевые слова: ирония, функции, дискурс, вежливость, коммуникативные ценности, стиль коммуникации.

Ирония является категорией дискурса, в котором существуют три стороны — объект, над которым иронизируют, автор иронического высказывания и адресат, воспринимающий и обрабатывающий ироническое высказывание. Таким образом, иронический эффект — это процесс сотрудничества, в котором важна экстралингвистическая и культурно-историческая обстановка. В процессе иронического общения деятельность адресата важна так же, как деятельность производителя иронического высказывания.

Существует мнение, что ирония в большей степени характерна для культур индивидуалистического типа. Одна из составляющих иронии — это индивидуализм, стремление разрушить устоявшиеся правила и нормы, проявление гибкости в оценках, что непопулярно в коллективистских культурах.

Нашей гипотезой является утверждение о том, что ирония обладает этнокультурной спецификой, которая является отражением коммуникативных ценностей, под которыми вслед за Т.В. Лариной мы понимаем «культурные ценности, которые оказывают непосредственное влияние на коммуникативное поведение людей, определяют правила и нормы, формируют стиль коммуникации» [3. С. 53]. Ирония в разной степени востребована в коммуникации англичан и русских и выполняет разные функции.

Предлагаемое исследование основывается на материале телевизионных передач из серии «Интервью со звездами» — ток-шоу Би-Би-Си (*Top Gear, BBC breakfast, Movie talks* и др.) и программ российского телевидения (*Вечерний Ургант, Прожектор Перисхилтон, Собчак живьем, Звезды он-лайн* и др.)

Во фрагментах интервью были выбраны иронические высказывания, на основе которых мы попытались выявить этнокультурные особенности иронии в английском и русском дискурсах, касающиеся различных аспектов: ее частотности, востребованности, функций, механизмов и средств выражения, а также объяснить выделенные особенности с позиции различий в коммуникативных ценностях.

Несмотря на то что длительность русскоязычного материала превышала длительность английского (15 часов и 9 часов 54 минуты соответственно), количество обнаруженных иронических фрагментов в русском языке оказалось меньше, чем в английском (100 и 225 высказываний соответственно), что позволяет сделать вывод о более высокой частотности употребления иронии в английском дискурсе. При этом мы принимали во внимание тот факт, что ирония в русских телепередачах использовалась в подавляющем большинстве именно в юмористических программах, в то время как в интервью, посвященных серьезным проблемам, она обнаруживается крайне редко.

Что касается английского дискурса, то частотность употребления иронических высказываний не зависела от темы передачи, иронические и самоиронические высказывания использовались коммуникантами свободно и в разнообразных ситуациях. Это наблюдение логически обусловило необходимость анализа функций иронии в русском и английском дискурсе. В процессе исследования мы выделили следующие функции: насмешка, критика; защита; снятие напряжения; самоактуализация; и гиперфункция иронии — оптимизация межличностного общения (об этой функции писали такие исследователи, как В.М. Пивоев, Г.Л. Прокофьев и др.)

Анализируя русский дискурс, мы пришли к выводу, что основной функцией иронии для него является насмешка и критика. Этот вывод согласуется с мнением таких исследователей русской иронии, как О.П. Ермакова [2. С. 51], Ю.Н. Варзанин [1. С. 28], К.М. Шилихина [4. С. 30] и др. Русская лингвокультура, в которой важное место занимают такие коммуникативные ценности, как искренность и эмоциональная открытость, предполагает небольшую дистанцию между собеседниками, личные вопросы и откровенные ответы, высказывание своего мнения. Это обусловило употребление иронии именно в этих функциях.

Насмешка часто встречается и в русских интервью, и в английских. Вот, например, отрывок из диалога ведущего ток-шоу и приглашенного гостя Дмитрия Нагиева:

— *Вы сыграли в тридцати одном фильме. Итак, вы актер?*

— *Хорошо, что это пришло вам в голову* (Рен ТВ, «Интервью со звездами»).

Очевидно, что в своем ответе Нагиев иронизирует над неумением, на его взгляд, ведущего вести программу: зачем задавать бессмысленные вопросы, если и так всем известно, что гость студии — знаменитый актер?

А вот еще более едкая насмешка, на грани сарказма, на этот раз адресованная ведущей программы Ксении Собчак, которая в течение разговора с гостьей Аллой Пугачевой упомянула о собственной известности. На что Пугачева немедленно отреагировала:

«Скромная ты девочка. Позвони, когда станешь известной» («Собчак живьем»).

Подтекст шутки понятен — Алла Борисовна не считает собеседницу известной личностью и насмехается над ее завышенной самооценкой.

В нашем материале насмешка используется достаточно часто, так как это — способ поддержания собеседника и аудитории в готовности к продолжению разговора. Обмен ведущего и гостя насмешливыми репликами подогревает интерес и обеспечивает живость реакции.

В нижеследующем примере англоязычного интервью ведущий провоцирует известного актера, имевшего проблемы с полицией, намекая на его прошлое:

«...your first cars.. you didn't buy them...» (Ваши первые машины... Вы ведь не покупали их...).

Использованный здесь эвфемизм «не покупали» заменяет прямолинейное «украли». На это интервьюер получает достойный ответ, также в ироничной форме:

«I had a great experience with the Boston police department, and finally being able to put it to good use — playing the cop instead of being arrested — was a good thing». (У меня был такой большой опыт общения в Бостонском полицейском участке, что возможность применить его и сыграть копа вместо того, чтобы вновь быть арестованным — была для меня благом) (*Mark Wahlberg celebrity interview — video from the BBC motoring show 18.07.09*).

Самоирония актера, признающего свое криминальное прошлое, обезоруживает собеседника и сводит на нет его попытку «уколоть» гостя.

В том же интервью ведущий затрагивает вопрос о пикантной сцене из фильма:

«She is lying in your bed, wearing — let's be honest — not much...» (Она лежит в вашей постели, и, честно говоря, на ней не так уж много одежды...).

Здесь ирония создается не высказыванием, имеющим противоположный смысл, а недосказанностью, подразумевающей нечто большее. Эвфемизм «не так уж много одежды» заменяет слово «голая». Комментируя сцену таким образом, ведущий стремится поставить собеседника в неловкое положение, спровоцировать его на дальнейший обмен ироническими репликами. На это гость отвечает: *«There are no sex scenes, but we could have easily shot the sex scene and not put it into the movie»* (Там нет постельных сцен, но мы могли бы легко снять такой эпизод и не включить его в фильм).

Таким образом, актер оправдывает свое амплу героя-любовника, поддерживая иронический диалог на пикантную тему.

Мы видим, что насмешка — достаточно распространенный прием в жанре интервью. Насмешка помогает разнообразить разговор, поддерживать собеседника в готовности к быстрому и остроумному ответу, поддразнивать его. В конечном

итоге насмешка оптимизирует общение в диалоге «ведущий—гость» и делает его более эффективным.

Еще одной важной функцией иронии является защита. Для того чтобы поддерживать внимание зрителей, ведущий намеренно создает напряжение, задает неожиданные и часто провокационные вопросы. Чтобы защитить свою частную жизнь, избежать ответа на неприятный вопрос, не прибегая к грубости и агрессии, гость прибегает к иронии, как в следующих примерах.

Ирония в ответе на неприятный для актрисы вопрос, связанный с оскорблением ее в прессе, дает возможность сгладить негативное впечатление и перевести разговор в другое русло:

Jeremy: «*Reviews: Fay Ripley — whore.*

Fay: «*Welcome to my life!*»

(Джереми: Заявления в прессе: Фей Рипли — шлюха.

Фей: Добро пожаловать в мою жизнь!) (*Fay Ripley interview and Lap-Top Gear BBC.* 26.03.2010).

В данном примере гостя выбирает тактику полного согласия с обвинением, прямым нападением ведущего. Ее реплику также можно перевести: «Хотите попробовать?» Здесь самоирония сочетается с ответным вызовом, благодаря чему ставится блок и далее эта тема не обсуждается. В следующем примере мы также наблюдаем тактику защиты. Журналист собирается взять интервью у известной актрисы Кэтрин Зета-Джонс. Зная о ее занятости и нежелании отвечать на вопросы, он предвосхищает негативную реакцию. «*You've done 32 interviews. I am number 33. Is there a dread fact journalists ask you noxious questions?*» (Вы дали 32 интервью, я — номер 33. Это ужасно, когда журналисты задают свои противные вопросы?) (*Catherine Zeta Jones interview — BBC America «Movie talks» — film «No reservations» 19.10.07.*)

Мы наблюдаем использование иронии в качестве защиты еще до того, как совершено нападение. Предвидя возможное недовольство актрисы, журналист опережает ситуацию, называя свои вопросы «противными», и таким образом предотвращает ее критическую оценку.

Примечательно, что в английском материале функция защиты встречалась намного чаще, чем в русском. Но и здесь актеры и шоумены стараются оградить себя от возможной критики. Приведем ответ Александра Буйнова на провокационный вопрос ведущей: кто более сексуален — он сам или Дмитрий Нагиев: «*Без конкуренции, понятно же, что я*» («Вечерний Ургант»).

Нарушение максимы скромности на самом деле скрывает иронию в защитной функции, ведь многие зрители выбрали бы Нагиева. Любопытно, что сам Нагиев на тот же вопрос отвечает: «*Буйнов, конечно, хорош. Вулкан потух, но дым еще идет*». Мы вновь наблюдаем ироничный ответ, содержащий одновременно и защиту, и насмешку над конкурентом.

Приведем пример из речи ведущего, зачитывающего отзывы зрителей о программе и о нем самом (письма, скорее всего, выдуманные):

«*Очень неприятный человек... Ума маловато*»,

«*Ничего не сделал, а рубит миллиарды — наглая еврейская рожа*» («Вечерний Ургант»).

Это — еще один пример предупреждения критики. Действительно, необходимость в ней отпадает, когда человек сам все озвучил, да еще в таких сильных выражениях.

Функция защиты представляется нам очень важной именно в жанре интервью, так как в нем неизбежно возникают неприятные вопросы, ответы на которые адресант либо не знает, либо не хочет давать, что, в принципе, часто случается и в повседневном межличностном общении. Наилучший способ избежать ответа — применить иронию, с тем чтобы не обидеть собеседника и уклониться от нежелательной темы. Таким образом, употребление иронии в качестве защиты также способствует оптимизации общения созданию благоприятной атмосферы.

Для защиты часто используется самоирония, предупреждающая возможную критику со стороны собеседника. Так, знаменитая американская актриса Гвинет Пэлтроу, предвидя возможные негативные комментарии о своих фильмах, критикует их сама, таким образом «отбирая хлеб» у журналиста.

“I did a couple of good ones and a bunch of bad ones” (У меня есть пара хороших работ и целый букет плохих) (BBC Worldwide — *Gwineth Paltrow interview* — Parkinson 17.03.2008).

Это еще один пример предупреждения критики со стороны собеседника. Употребляя ироническую литоту (всего лишь пара хороших работ) и ироническую гиперболу (целый букет плохих), актриса лукавит — на самом деле у нее намного больше признанных ролей, чем неудачных.

Самоирония встретилась нам и в русских интервью, но значительно реже, чем в английских.

В нашем исследовании английского дискурса мы сосредоточили внимание на функции *оптимизации межличностного общения*, считая, что ирония широко используется как средство обеспечения бесконфликтного общения, сближения коммуникантов, создания благоприятной для коммуникации атмосферы.

Проведенный нами анализ показал, что поведение коммуникантов, прибегающих к иронии, соотносится с коммуникативными культурными ценностями и определяется ими. В качестве основных английских культурных ценностей исследователи выделяют автономию личности, равенство, позитивное мышление, эмоциональную сдержанность, традиционализм, толерантность, а в качестве основных коммуникативных ценностей русской культуры — коллективизм, искренность, эмоциональность, гостеприимство (Ю.Б. Кузьменкова, Т.В. Ларина, С.Г. Тер-Минасова, J. Рахман, А. Wierzbicka и др.). Приведем несколько примеров.

Невмешательство в чужие дела, необходимость сохранять дистанцию столь важны для англичан, что уважение к этой ценности демонстрируется в самых разных ситуациях, в частности в стремлении избежать личных вопросов. Явно некорректные прямые вопросы воспринимаются иронично.

Например, ведущий буквально забрасывает актера личными вопросами, вторгаясь в зону личной автономии:

“Is it true you are not going to marry Kylie Brook? And her father is not going to be the director?” (Правда, что вы не собираетесь жениться на Кайли Брук? А ее отец не будет вашим режиссером?) (*Glee’s Mattew Morrison interview on BBC breakfast* 23.06.10).

Такой диалог возможен лишь в ироническом дискурсе. Задавать подобные вопросы всерьез было бы грубейшим нарушением норм вежливости. Но интервью — вид игры, актерства, и публика это хорошо понимает. В данном случае два фактора вызывают смех аудитории — то, что ведущий задает личные вопросы, и то, что эти вопросы содержат скрытый намек на возможный брак по расчету.

Яркой иллюстрацией английской коммуникативной культуры, не допускающей действий, которые угрожают лицу собеседника, является следующий пример. Известный телеведущий говорит о своем визите в королевский дворец, подчеркивая профессионализм и сдержанность персонала даже в возможных чрезвычайных обстоятельствах:

«Scarlet carpet and pink sofas with gold arms. I was in need to steal something. They employ someone who follows you around and makes sure you do not steal anything. If I do manage to get a silver teaspoon into my pocket, how would he diplomatically ask to have it back? — Excuse me, sir, I think a teaspoon has fallen into your trousers. — Oh, God, so it has».

(Красный ковер и розовые диваны с золотыми ручками. Когда я там оказался, у меня сразу появилось желание что-нибудь украсть. Но они нанимают специального человека, чтобы он следил за тем, чтобы ничего не было украдено. Интересно, если бы мне удалось засунуть в карман серебряную ложку, как бы он дипломатично попросил вернуть ее? — Извините, сэр, мне показалось, что ложка случайно упала вам в брюки. — О, боже, в самом деле!) (*Jeremy Clarkson interview — Parkinson — BBC 8.08.2007*).

Недопустимость сделать замечание, невозмутимость и вежливость при любых обстоятельствах составляют представление англичан о правильном поведении. Подобное поведение, часто принимающее форму гротеска (как в нашем примере), является объектом иронии.

Автономии личности в английской лингвокультуре можно противопоставить такие коммуникативные ценности русской коммуникативной культуры, как коллективизм и искренность. Ирония в русском дискурсе соответствует этим ценностям. Проанализируем вопрос ведущей Ксении Собчак, адресованный гостю передачи — режиссеру и актеру Александру Гордону: *«Вы человек взрослый, вам уже давно минуло шестнадцать. Какова ваша главная цель в жизни?»* («Собчак живьем»).

Если рассмотреть это высказывание с точки зрения английских коммуникативных ценностей, мы заметим здесь грубые нарушения: во-первых, вмешательство в зону личной автономии собеседника с требованием от него искреннего ответа на очень личный вопрос; во-вторых, ироническая насмешка: молодая ведущая обращается к человеку вдвое старше ее, как бы говоря: вы такой старый, что же вы ничего не достигли в жизни? Тем не менее, с точки зрения русских коммуникативных ценностей, этот вопрос вполне приемлем: он вызывает собеседника на откровенный разговор по душам, а ироническая литота «вам минуло шестнадцать» имеет целью создать дружескую теплую атмосферу. Таким образом коммуникативные ценности диктуют способ оформления иронического высказывания.

Еще одно противопоставление английских и русских коммуникативных ценностей мы наблюдаем при проявлении эмоциональной сдержанности/открытости в дискурсе. На провокационный вопрос «*Let's talk about your ex-boyfriend*», побуждающий гостью (Урику Джонсон) поделиться наболевшим (рассказать о бывшем бойфренде, с которым она пережила тяжелое расставание), она отвечает сдержанно и иронично:

«I'm sure his Mum loves him».

«I'm sure she does».

(— Давайте поговорим о вашем бывшем возлюбленном. — Я уверена, его мама любит его. — Я уверен, что да) (*Urika Johnson Interview — Parkinson — BBC 24.07.2007*).

Из контекста понятно, что актриса крайне невысокого мнения о бывшем возлюбленном, но не желает рассказывать о нем ничего дурного. Здесь выражены несколько коммуникативных ценностей — эмоциональная сдержанность и нежелание говорить о личном. Характерно, что ведущий Майкл Паркинсон принимает ту же стратегию и закрывает эту тему.

Крайне противоположная коммуникативная ценность в русской лингвокультуре — эмоциональная открытость. Искренне проявлять чувства: удивление, радость, огорчение, заинтересованно перебивать собеседника, в том числе в иронических высказываниях, характерно для русских.

Следующий диалог представляет собой очень личные, со скрытой иронией, вопросы депутату Думы и очень эмоциональные ответы:

— *У вас и охрана есть?*

— *Да что вы! Какая охрана?*

— *Вы что же, и без мигалки ездите?*

— *Боже упаси! Мигалки депутатам не положены («Собчак живьем»).*

В ответах гостя, по нашему мнению, как и в словах ведущей, звучит ирония — ведь всем известно, какими привилегиями пользуются депутаты. Это ироническое и эмоциональное отрицание очевидного создает комический эффект.

Таким образом, можно сделать вывод, что национальное чувство юмора формируется под влиянием коммуникативных культурных ценностей и является отражением культуры. Востребованность иронии, ее частое использование сказываются на английском стиле коммуникации и формируют такую его черту, как ироничность. Данная гипотеза нашла свое подтверждение в результате проведенного лингвопрагматического анализа текстов интервью со звездами, который показал, что собеседники регулярно прибегают к иронии с целью разрядить обстановку, уйти от неприятной темы, защитить себя от возможной критики, перейти на неформальный регистр общения и т.д. В результате стиль их общения отличается ироничностью, неформальностью, стилистической сниженностью. В отличие от английского стиля коммуникации, русский стиль не обладает такой ярко выраженной чертой, как ироничность, хотя примеры иронических высказываний встречаются в русском дискурсе и в литературе.

ЛИТЕРАТУРА

- [1] *Варзонин Ю.Н.* Коммуникативные акты с установкой на иронию: Дисс. ... канд. филол. наук. — Тверь, 1994.
- [2] *Ермакова О.П.* Ирония и ее роль в жизни языка. — Калуга, КГПУ им. К.Э. Циолковского, 2005.
- [3] *Ларина Т.В.* Англичане и русские: язык, культура, коммуникация. — М.: Языки славянских культур, 2013.
- [4] *Шилихина К.М.* Современные теории вербальной иронии: основные проблемы. Язык, коммуникация и социальная среда. — Вып. 6. — Воронеж: ВГУ, 2008. — С. 24—32.

IRONY IN ENGLISH AND RUSSIAN DISCOURSES: COMPARATIVE ANALYSIS

A.A. Gornostaeva

Department of General Translation
Faculty of Intercultural Communication
Moscow State Linguistic University
Ostozhenka, 38, Moscow, Russia, 119992

The paper deals with culture specific peculiarities of irony in English and Russian discourses, its functions and connection with communicative values. It is based on the results of empirical study.

Key words: irony, discourse, functions, politeness, communicative values, communicative style.

LITERATURE

- [1] *Varzonin Y.N.* Kommunikativnye akty s ustanovkoy na ironiyu: Diss. ... kand. filol. nauk. — Tver', 1994.
- [2] *Yermakova O.P.* Ironia i yeyo rol v zhizni yazyka. — Kaluga, KGPU im. K.E. Tsiolkovskogo, 2005.
- [3] *Larina T.V.* Anglichane y russkiye: yazyk, kul'tura, kommunikaciya. — M.: Yazyki slavyanskikh kultur, 2013.
- [4] *Shylikhina K.M.* Sovremennye teorii verbalnoy ironii: osnovnye problemy // Yazyk, kommunikatsiya i sotsialnaya sreda. — Vyp. 6. — Voronezh: VGU, 2008. — P. 24—32.